

Полномочный министр в Париже И.М.Симолин –
вице-канцлеру графу И.А.Остерману

Париж 8/19 июля 1789
Получено 27 июля (4 августа) 1789 г.
Депеша № 66

Милостивый государь,

Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена. Восстание города Парижа, к которому мы, казалось, были подготовлены, разразилось на другой день после отъезда господина Неккера. В следующие дни оно продолжало разрастаться, как Вы, Ваше сиятельство увидите из прилагаемого описания событий, происходивших здесь с субботы до пятницы; к нему я беру на себя смелость присовокупить несколько печатных изданий, во всех подробностях излагающих событие, которое для Европы явилось полной неожиданностью. Это восстание сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание; обстоятельства, при которых они совершены, доказывают невинность некоторых из этих жертв.

Посол его величества императора граф Мерси, сочтя необходимым избежать проявлений ненависти, которую народ обнаружил к представителю брата королевы, уехал в деревню, а чтобы обезопасить свой дворец от явно грозившего ему нападения, он вынужден был просить охраны гражданской гвардии, которая и была ему предоставлена. Однако гвардии было дано распоряжение не пропускать никого в его дворец без обыска, что едва не случилось со мной, когда я захотел повидать секретаря посольства; но так как мне сказали, что он вышел, то я избавился от этой церемонии. По распоряжению Постоянного комитета пришли обыскать вышеупомянутый дворец, чтобы удостовериться, нет ли там пушек, склада военного снаряжения и оружия.

Жестокость и зверства французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, что и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще до сих пор с ужасом читаем, с той только разницей, что в настоящее время вместо религиозного фанатизма умы охвачены политическим энтузиазмом, порожденным войной и революцией в Америке.

Если бы король отказался подчиниться требованиям муниципального комитета, народ, по всей вероятности, сверг бы его, таким образом, этот добрый государь, не желая ни к кому злу, был поставлен в жестокую необходимость сдаться на милость бунтовщиков тем более, что французская гвардия его подло покинула и он совсем не мог положиться на войска, сосредоточенные вокруг Парижа и Версаля.

Постановление Национального собрания, принятое в связи с ответом короля, гласит, что Собрание, являющееся выразителем чувств нации, выражает господину Неккеру, так же как и другим, только что уволенным министрам, свое уважение и сожаление об их отставке.

Собрание объявляет, что, опасаясь печальных последствий, которые может повлечь за собой ответ короля, оно не перестанет настаивать на удалении войск, специально собранных вокруг Парижа и Версаля, и на сформировании гражданской гвардии. Подтверждается вновь, что между королем и Национальным собранием не может существовать никаких посредников.

Объявляет, что министры и агенты гражданской и военной власти ответственны за все действия, нарушающие права нации и декреты Собрания.

Объявляет что находящиеся у власти министры и члены Совета его величества, независимо от положения и чина, несут личную ответственность за несчастья, происходящие в настоящее время и за все те, которые еще могут последовать.

Объявляет, что государственный долг находится под охраной чести и совести французов, что нация не отказывается платить проценты и что никакая власть не смеет произнести позорное слово банкротство, в какой бы ни было форме, под каким бы ни было названием.

Наконец, Национальное собрание объявляет, что оно настаивает на своих предыдущих постановлениях, что настоящая декларация будет передана председателем королю, что она будет опубликована в печати и послана, по постановлению Собранию, господину Неккеру и другим министрам, которых только что лишилась нация.

С понедельника всякое сообщение с внешним миром прервано для всех, независимо от звания, и гражданская гвардия у застав довела строгость до того, что раздевала лиц обоего пола, как выходивших из города, так и входивших в него.

Я считал своим долгом не медлить с отправкой курьера с известием о событии столь большой важности при всяких обстоятельствах имеющем в настоящее время особое значение для нашего двора.

Было бы заблуждением рассчитывать теперь на союз и еще менее на политическое влияние Франции. Каково бы ни было отношение нового министерства к предполагаемому союзу с ее императорским величеством, оно надолго лишено возможности им заняться, и надо рассматривать Францию при решении стоящих перед нами в данный момент вопросов как несуществующую. Я не беру на себя смелость давать советы, но все же считаю своей обязанностью доложить о состоянии дел, каким оно мне представляется и сказать, что Франция, даже с наилучшими намерениями по отношению к нам, не сможет оказать нам никакой услуги и что союз с ней будет иллюзорным для Российской империи. Кроме того, нация питает отвращение к союзу с австрийским домом из-за королевы, и если представится случай, который потребует от Франции выполнения договорных условий, то они будут нарушены, потому что министры будут вынуждены следовать принципам и побуждениям третьего сословия, которые возьмут верх над всеми другими соображениями. Если императрице нужны посредники, чтобы облегчить завершение двух войн, необходимо обратиться к кому-либо другому.

Ваше сиятельство должны объяснить моим усердием к службе и интересам нашей великой и августейшей государыни ту свободу, с которой я выражаю свое мнение о том, что касается этих интересов. Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия оказалась уничтоженной и ее глава вынужден соглашаться на все, что разнузданный, жестокий и варварский народ требует от него с такой дерзостью и таким повелительным тоном, и должен еще считать себя при этом счастливым, что народ соблаговолит удовлетвориться тем, что он пожертвовал своей властью и своими правами.

В Пале-Рояле, который является очагом мятежа, было сделано в воскресенье вечером предложение провозгласить герцога Орлеанского регентом Франции. Герцог немедленно отправился в Версаль засвидетельствовать публично перед королем и его братьями, что хоть он и любит свободу, но не принимает участия в столь нелепом предложении, и с тех пор не выезжает из Версаля.

Не было его и в числе тех депутатов, сопровождавших в пятницу его величество в ратушу, чтоб народ не имел повода кричать в присутствии короля: «Да здравствует герцог Орлеанский», как он обычно это делал, когда герцог показывался там, где было скопление народа.

Король во время пребывания в ратуше был очень взволнован, он едва мог произнести слова, которые за ним были повторены собранию: «Мой народ всегда может рассчитывать на мою любовь». Господин Байи, получив распоряжение короля в качестве хранителя печати, продолжал речь короля; он сказал, что король явился, чтобы успокоить тревогу, которая могла еще усилиться в связи с его распоряжениями, объявленными нации, а также для того, чтобы насладиться пребыванием среди своего народа и его любовью; что его величество желает восстановления тишины и спокойствия в столице, чтобы все вернулось к обычному порядку, и что при малейшем нарушении закона виновные будут преданы суду.

Его величество утвердил назначение маркиза Лафайета командиром гражданской милиции Парижа в чине полковника и господина Байи – мэром Парижа, вместо старшины купечества. Говорят, что он соединит в своем лице должность мэра и начальника полиции. Его величество одобрил также мысль воздвигнуть на развалинах Бастилии памятник Людовику XVI и присвоить полку французской гвардии, перешедшему на сторону революции и тем ускорившему ее победу, наименование Национальной гвардии.

Многие придворные уехали. Среди них называют госпожу де-Полиньяк, воспитательницу детей Франции, герцогиню де-Гиш, ее дочь, графа де-Водрейль, барона де-Безанваля, подполковника швейцарской гвардии, и многих других. Принц Ламбеск вместе с маршалом де-Брольи уехал во главе королевского немецкого полка, который провел ночь с пятницы на субботу в Сен-Ден, на пути к Нанси.

И. Симолин

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание событий, происшедших в Париже

с 11 по 17 июля 1789 г.

В субботу 11 числа текущего месяца совершилось одно из самых замечательных и неожиданных событий. Господин Неккер получил отставку, и почти все министерство переменялось. Барон Брейтель был назначен председателем и главою Финансового совета, а господин де-ла-Галезьер – главным контролером финансов, герцог Вогион – министром иностранных дел, господин де-ла-Порт – государственным секретарем по морскому ведомству, маршал Брольи – военным министром и генералиссимусом, господин Фулон – интендантом армии и флота, господин Дамкур – членом Финансового совета. Господин Вильдейль, секретарь королевского дома и Парижа, остался на месте, точно так же как и хранитель печати. Герцог Нивернуа вышел в отставку несколько дней тому назад.

Это ужасное известие пришло в Париж только в воскресенье утром. Огорчение было всеобщим, народ пришел в отчаяние. Первым мероприятием народа было закрытие театров. Чтобы отразить силу силой, было решено вооружиться, что и было выполнено самим народом. Ночь с воскресенья на понедельник была очень бурной. По улицам бегали люди с обнаженными шпагами в руках, и только и было разговоров, что о поджогах и грабежах. Однако сожжены были только некоторые из новых застав, а разгромлен был лишь монастырь св. Лазаря. В 10 часов вечера был осажден дворец Ришелье, где находилась главная квартира войск. Расположенных в Париже и окрестностях. Раздались ружейные выстрелы, но попытка пробраться во дворец через стену, как предполагали, не удалась: подоспевшие на помощь французские гвардейцы разогнали народ. В час ночи произошла весьма серьезная стычка на бульваре Итальянской комедии: между полками Немецкой королевской кавалерии и королевскими драгунами, с одной стороны и народом – с другой. Эти последние стреляли по двум полкам, оставшимся верными королю и убили шестерых всадников и двух лошадей.

В понедельник 13-го, в 10 часов утра, граждане решили вмешаться и организовали милицию с тем, чтобы поддержать порядок и противодействовать силе. Ударили в набат, чтобы собрать народ по участкам в церквях для записи в милицию. Оружие брали у ружейных мастеров, в арсенале, в королевских кладовых и в Доме инвалидов, и вскоре набралось до 80 тысяч вооруженных граждан, которые совершали частые обходы днем и ночью. Порядок был вскоре восстановлен. Зеленые кокарды были приняты как символ надежды, и без них никто не решался показаться на улице. Ночь с понедельника на вторник прошла очень спокойно. По приказанию граждан четверо несчастных были повешены на уличных фонарях за воровство и грабеж.

Во вторник утром 4-го под ружьем было более 150 тысяч граждан. Французские гвардейцы, конная и пешая стража и множество солдат всякого рода присягнули парижскому гражданству и нации. Зеленые кокарды были заменены голубыми и розовыми, потому что одежда ливрейных слуг брата короля графа д'Артуа была зеленого цвета, а ему приписывали устранение Неккера. Старшины Парижа и купечества, начальник полиции и магистрат приняли участие в общественном деле. Заняты были все въезды и заставы, и в разных местах города были расставлены пушки. На нескольких улицах была разворочена мостовая, некоторые из них были забаррикадированы каретами и повозками. В полдень последовало запрещение отлучаться из города кому бы то ни было; обыскивали все экипажи и всех конных и пеших. Благодаря этому курьер, посланный в Версаль от купеческого старшины господина Флесселя, уведомлявшего о том, что происходило в Париже, был задержан, а письмо доставлено в ратуше. Отправились к господину де-Флесселю и застали его за другим письмом маркизу де-Лоне, коменданту Бастилии. Де-Флессель советовал ему держаться твердо в случае, если явятся к нему за оружием, и прибавлял, что вечером к 9 часам к нему придет подкрепление. Узнав об этом, народ схватил купеческого старшину и растерзал его. Затем направились в Бастилию и потребовали у коменданта сдачи всего имевшегося у него оружия. Господин де-Лоне отвечал, что он согласен на это и предложил кому-нибудь войти в крепость и взять оружие. Когда человек тридцать из гражданской милиции вошло туда, господин де-Лоне велел поднять мост и, как говорят, приказал стрелять из пушки по оставшимся на мосту. Тогда эти последние бросились на приступ крепости и чрез полтора часа она была взята. Господин де-Лоне был изрублен в куски, также как и плац-майор и несколько пушкарей. Сын коменданта, 18 лет, защищавший отца, подвергся той же участи. После этого с торжеством носили по всему городу голову маркиза де-Лоне, его майора, господина де-Флесселя и двух пушкарей, стрелявших из Бастилии. Вечером эти головы были выставлены в саду Пале-Рояля; женщины и дети плясали вокруг них и выражали сожаление, что их не тысячи. Была назначена цена за головы графа д'Артуа, принца Ламбеска и герцогини Полиньяк. Брат короля подвергся этой немилости за то, что, вступив в воскресенье вечером в сад Тюльерийского дворца во главе своего полка, он изрубил саблей одного 80-летнего старика, который, как говорят, не хотел или не мог посторониться; госпожа Полиньяк как член совета королевы. В этот же день сожжено было еще несколько застав, и число дезертировавших солдат

значительно возросло. Ночь со вторника на среду прошла еще весьма спокойно, несмотря на то, что распространился слух, будто десять тысяч солдат королевского войска приближались к городу.

В среду утром, 15-го, по городу возили в экипаже солдата гвардии, который вступил сперва в Бастилию и занес руку на господина де-Лоне. Его наградили крестом св. Людовика и провозгласили комендантом Бастилии. В полдень пришло известие из Версаля, что король прибыл в залу собрания Генеральных штатов, называемого теперь Национальным собранием, что его сопровождали только два его брата и что король сказал, что, узнав о страшных беспорядках в столице, он явился к представителям народа, чтобы просить их оказать ему содействие в этих обстоятельствах и обеспечить спасение государства, что он приказал удалить войска, а представителей нации он просил известить столицу о его распоряжениях. Все собрание рукоплескало королю. Герцоги Орлеанский и Бирон несли короля, а представители народа проводили его во дворец. Гед ан балконе ожидала королева с дофином. Ей также рукоплескали. Депутация из 80 членов Национального собрания прибыла в Париж, в ратушу, чтобы сообщить о намерениях короля. Депутацию приветствовали громкими рукоплесканиями. Герцог Лианкур встал на окно и держал речь к народу. Речь эта не совсем успокоила умы, так как патрули и всякого рода предосторожности не были отменены до окончательного улажения дела. Господин маркиз Лафайет назначен начальником гражданской милиции в Париже и во всем королевстве, в господин Байи, бывший президент Национального собрания – мэром Парижа. Начальник полиции, господин Крон, подал в отставку. Распространился слух, что на другой день, в 11 часов, король должен был прибыть в Париж, однако в четверг, 16-го, слух этот стали опровергать, и это усилило опасения народа в том, что еще не все кончилось. В этот же день Постоянный комитет отдал распоряжение разрушить Бастилию. Тогда арестовали и доставили в ратушу Сен-Марка, родственника маркиза де-Лоне, за то, что он будто бы намеривался захватить крепость, но был разоблачен.

В пятницу, 17 июля, день, который навсегда останется памятным в летописях Франции, в 6 с половиной часов утра, было объявлено, что король возвещает городу о прибытии своем в Париж к 11 часам на королевское заседание в ратушу. С 8 часов народ стал собираться на дороге, по которой должен был проследовать его величество; начиная от ратуши до Пуан-дю-жур в одной миле от Парижа стоял двойной ряд вооруженных граждан попеременно с французскими гвардейцами и другими войсками под предводительством офицеров гражданской милиции. Король прибыл лишь в половине третьего в обыкновенной карете в сопровождении маршала Бово, герцога Виллерау, капитана королевской гвардии герцога Вилькье, первого камергера, и графа д'Эстэн. За ними следовала лишь только одна карета, в которой сидело несколько придворных. Депутаты национального собрания и ратуши встретили короля у заставы, старшина господин Боффасель поднес ему ключи города на золотом блюде. Перед его величеством несли оливковую ветвь. Впереди его кареты ехала конная стража и многочисленная гражданская конница с маркизом Лафайетом во главе. Сзади шла гражданская пехота в количестве более 100 тысяч человек. Вместо «Да здравствует король» кричали: «Да здравствует нация!», причем говорили, что в честь короля прокричат на обратном пути, если останутся им довольны.

Прибыв в ратушу, его величество одобрил все, что сделали граждане и объявил, что он уволил новое министерство и изгнал брата своего графа д'Артуа (который, как говорят, уехал в Турин). Семейство Полиньяк тоже получило приказание удалиться от двора. Отправлен курьер к господину Неккеру с письмом от короля, который просил его от своего имени и имени народа вернуться и занять прежний пост. Полагают, что он в Брюсселе, и ожидают его возвращения вечером или завтра утром.

Когда король возвращался в шесть часов вечера, кричали: «Да здравствует король и нация!» Карету его величества окружала толпа вооруженных граждан, держащих ружья прикладами вверх; несколько ружей лежало на карете. На шляпе у короля была национальная кокарда, которую поднес в ратуше господин Лалли де-Толендаль.

Маркиз Лафайет воспретил торжественные демонстрации и приказал собираться по прежнему по участкам и высылать патрули.

Король согласился, чтобы на развалинах Бастилии воздвигли памятник Людовику XVI, восстановителю общественной свободы, возобновителю народного благосостояния, отцу французского народа.

АВП, ф. Сношения России с Францией, оп.93/6, д. 467, л.21-26. Подл.

Приведено по: Международные отношения в начальный период Великой Французской революции (1789). Сборник документов из Архива внешней политики России МИД ССР. М.: Наука, 1989. С.271-284. Подлинник на французском.

Для веб-публикации подготовили: Марта, В.Веденеев.